

УДК 821.161

ТАЙНА И ЗНАНИЯ ВОСКРЕСЕНИЯ В РОМАНЕ «ИДИОТ»*

© 2011 И.В. Самсонова, А.С. Серопян

Шуйский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 25 января 2010 года

Аннотация: В статье критически осмысляются интерпретации ключевой в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» картины Г. Гольбейна Младшего «Мертвый Христос». Авторы показывают, что, так и не раскрывший своего понимания картины на страницах романа главный герой, тем не менее, наделен автором собственным восприятием потрясшего его полотна и потому именно он связан с тайной и знанием воскресения.

* Работа выполнена в рамках проекта «Литургическое слово в русской литературе» по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 гг.».

Ключевые слова: богослужебный круг, икона, Октоих, зачало, полифонический диалог.

Abstract: In article interpretations key in F.M. Dostoevsky's novel "Idiot" to G. Golbejn's picture Younger «the Dead Christ» are critically comprehended. Authors show that, and not opened the understanding of a picture on pages of the novel the protagonist, nevertheless, is allocated by the author own perception of the cloth which have shaken it and consequently it is connected with secret and knowledge of revival.

Keywords: a divine service circle, an icon, Oktoih, has conceived, polyphonic dialogue.

Метафизические идеи и проблемы – "проклятые вопросы", – став существенным элементом сюжетной ткани его произведений, исполнили жизнь героев Достоевского и столкнулись в "полифоническом" диалоге позиций и мировоззрений. Выделяя предельную метафизическую смелость Достоевского в постижении тайн бытия, К.А. Степанян отмечает, что эта смелость «может сочетаться с предельной смелостью художественной, добровольно подвергнув себя риску самых полярных интерпретаций» [1]. Смелость вряд ли интерпретируется, а вот интерпретации ключевой в романе «Идиот» картины Ганса Гольбейна «Мертвый Христос» – многочисленны.

Т.А. Касаткина рассматривает картину с точки зрения «оперативной поэтики» – попытки описать некоторые конструкции, заложенные в текст, но нацеленные не на порождение смысла внутри «артефакта», а на преобразование действительности, с этим «артефактом» соприкасающейся [2]. Б.Н. Тихомиров продолжает анализ

христологии Достоевского [3], Е.Г. Новикова сопоставляет восприятие картины Достоевским с восприятием Карамзина и о. Сергия (Булгакова) [4]. Большинство исследователей сходятся в том, что Гольбейну в картине, смысл которой умышленно недосказан автором романа, удалось непостижимым образом передать как величайший кенозис Христов, так и самые первые мгновения Воскресения. И по мнению тех же исследователей, миссия князя Мышкина, который «был верен «сладостной мечте» – восстановить и воскресить человека», как отмечает Достоевский в черновиках к роману, – не удалась: его любовь-жалость так и не смогла воскресить Настасью Филипповну, которая засыпает «совершенно неподвижным сном» в доме-склепе Рогожина, рядом с картиной Гольбейна «Христос во гробе», Аглая же достается польскому эмигранту и «знаменитому патеру».

Есть и другая точка зрения, которую отстаивает В.Н. Захаров: человек перед картиной сознает свою богооставленность («иной может и веру потерять», – словами князя Мышкина), и этими "иными" в романе оказываются Рогожин и

© Самсонова И.В., Серопян А.С., 2011

Ипполит, которые верят в смерть и не верят в воскресение. Что касается самого князя Мышкина, он так и не раскроет своего понимания картины на страницах романа, хотя не раз вспомнит о сильнейшем потрясении, которое пережил, глядя на оригинал полотна Гольбейна в Базеле [5]. Не очевидно ли, что Достоевский наделил своего героя собственным восприятием этой потрясшей его в том же Базеле вещи?

Попробуем показать, почему в романе Достоевского именно князь Мышкин связан с тайной и знанием воскресения.

Перейдем сразу к финалу. Взломав дверь, жандармы обнаруживают двоих: разгоряченного Рогожина и безумного князя. О трупе — ни слова. Т.А. Касаткина, утверждая провал миссии князя, тем не менее видит в финале предстоящую перед читателем икону Успения Пресвятой Богородицы. Анастасия — воскресшая — взыскана. Но кем? Кем подготовлено ее успение и кто был свидетелем этого успения?

Однако не этим заканчивается роман, тема которого — страх и воспоминание, обращаемое назад. В финале констатировавшая в самом начале «незнание дней» Лизавета Прокофьевна говорит: «<...> вся эта заграница, и вся эта ваша Европа, все это одна фантазия, и все мы, за границей, одна фантазия» (8, 510). Здесь достигается композиционная завершенность: с самого начала, со дня предательства Христа на смерть, то и дело поглядывающие на часы персонажи романа выводят себя за пределы Миротворного круга, и за этими пределами они — фантазия. Роман начинается в среду — день, в который был предан Христос, в память этого события среда и объявляется Церковью постным днем. В романе же «никогда дней не знают», но очень часто смотрят на часы: генерал Епанчин, разговаривая с приехавшим князем; Настасья Филипповна, принимавшая гостей; Мышкин перед сценой «сватовства» «до самого вечера каждые пять минут смотрел на часы» (8, 424). Настоящее персонажей романа значимо в высокой для них мере, и эту меру они определяют сами: «сегодня мой день, мой табельный день, мой высокосный день». Начиная с первых страниц действие в романе происходит под знаком «мертвого Христа», который становится в романе объектом рефлексии, объектом рефлексии становится и все временное. «Ваша Европа» — это Европа, не знающая дней григорианского календаря. Именно григорианский календарь является календарем «линейного времени», обозначающего начало и конец. Юлианский календарь цикличен, его достоинство — цикл, который дает возможность предвидеть будущее и воспроизводить прошлое. Юлианский календарь — это иконографическое выражение

времени, это священная икона времени. В его кругу человек обретает возможность звать «к вечной истине», «живой образ» которой пробудил петербургского прогрессиста: «...в один бы день, в один бы час — все бы сразу устроилось!» (25, 119)

Отметим в богослужбном времени три круга. Первый круг — дневной круг богослужения, его можно называть суточным. Второй круг — седмичный, первый день седмицы и одновременно ее вершина — это воскресенье или, говоря церковным языком, неделя — День Господень, День Солнца, преимущественный для совершения Евхаристии, литургическая тема этого дня ясна: Воскресение Христово. Третий круг — годовой

«Пятикнижие» Достоевского целиком охватывается тематикой служб дневного круга. Эти службы, объединенные одной литургической (богослужбной) темой, представлены, на наш взгляд, в романах «пятикнижия» Достоевского в порядке их следования. Вечерня, утренняя и первый час, а вместе всенощное бдение — это мотив романа «Преступление и наказание», заканчивающегося картиной моровой язвы, это мотив 5 псалма, с которого начинается первый час («Суди им, Боже, да отпадут...»), 89 псалма, в котором изображается вечность и неизменность Господа Бога и краткость и изменчивость нашей жизни, подобно утру («Они оба готовы были смотреть на эти семь лет, как на семь дней» (6,422)), наконец, 100 псалма — мотив ожидаемого «знакомства с новою, доселе совершенно неведомою действительностью» (6,422): «пою и разумею в пути непорочне, когда приидеши ко мне».

Тема третьего и шестого часа раскрывается в «Идиоте» — и не только в аллюзиях, примеров которых можно привести множество, но в том, что происходит во время пения часов. Происходит проскомидия (греч. — приношение), первая часть литургии. На проскомидии употребляются пять хлебцев, именуемых просфорами. По внешнему виду просфора должна быть круглой и двусоставной, в таинственное означивание двух естеств в Иисусе Христе — Божеского и человеческого, с изображением на ней креста, в знак того, что эта просфора назначена для священного употребления, по сторонам креста она имеет надпись: ИС. ХС. = Иисус Христос. НИ. КА. = Победитель (побеждает). Мышкин предстает в черновиках как «князь-Христос», так что образно первая надпись есть, но, казалось бы, нет второй, ибо Христос в видимом сюжете — мертвый гольбейновский Христос. Достоевский, как нам представляется, не утаивает смысла, а приоткрывает его, следуя традиции богослужбных евангельских чтений. Как известно, богослужбное Евангелие делится на зачала, каждое из которых начинается со слов «Во время оно», когда следует повествование о

жизни Христа, или «Рече Господь» — когда следует его поучение в форме притчи, смысл которой далеко не очевиден. Г.Г. Ермилова отмечает, что «Князь Христос» появилась в черновиках 9 апреля, в Страстной Четверг, две идентичные — днем позже, в Страстную Пятницу (9; 246, 249, 253) [7]. Вне всякого сомнения, это и есть метафизическое время финала «Идиота».

Но в этом случае в мысли читателя, «знающего времена» богослужебного круга, неизбежно возникнет ассоциация с иконой "Не рыдай Мене, Мати", участвующей в богослужении только один раз в год, на Страстную седмицу, ее выкладывали на аналой чаще всего в Страстную пятницу. Композиция "не рыдай Мене Мати" — вертикальна: Христос остается тем столпом, на котором держится не только вся вселенная, но и христоцентричная иконопись. Он — есть Истина, и все образы иконы направлены, чтобы указать на Него. Христос — вертикальный центр этой иконы, он не сломан смертью, в нем уже совершается пасхальное преображение. Состав прочих предстоящих различен в разных изводах и повторяет подбор персонажей сцены Распятия. В сочетании с изображением Нерукотворного Образа Спасителя образует устойчивую составную композицию "Спас Нерукотворный — Не рыдай Мене, Мати", при этом Спас Нерукотворный (чаще с ангелами) изображается в верхнем регистре иконы, а композиция "Не рыдай Мене, Мати" — в нижнем. Композиция совмещает сцены Снятия со Креста и Положения во гроб, посвящена оплакиванию Христа. Подобная сцена в западном искусстве получила наименование "Пьета" (итал. *piet* — милосердие): так, в скульптурной «Пьете» Микеланджело печальная Дева Мария сидит, держа на коленях тело Своего Сына снятого с Креста. Здесь вертикалью выступает не Христос, а Мария, которая воспринималась католиками как Соспасительница мира, что нашло позднее отражение в соответствующем догмате. Обращает на себя внимание неестественная мертвенность Христа, явленная и в непропорциональном теле Христа, особенно в резком угле плеча и бессильно упавшей (очень длинной по отношению к телу) руке, которая радикально противостоит жестам рук Христа в "не рыдай Мене Мати" и иконе Воскресения. Как, впрочем, и знаменитый "Адам" Микеланджело является полным антиподом старца, который не может даже сжимать руку Христа, тянущего его за запястье из гроба в иконе Воскресения.

Разница "не рыдай Мене Мати" и "Пьеты" — в принципиальном духовном наполнении. В первом случае это — страдание, наполненное предчувствием Преображения, это жертва, в которой уже заложен смысл ее — Воскресение.

И потому в ней царствует мир молитвенности и предпасхальная радость. Голубиновский мертвый Христос вызывает осязаемую тень сомнения.

Вернемся же к просфоре. Просфора со знаком креста употребляется для изъятия Агнца на проскомидии. В начале романа кажется, что для несения креста предназначен князь Мышкин, но изымается частица из другого персонажа — агнецоподобной Барашковой Настасьи Филипповны, воскресение которой — реально, потому что оно — предмет веры, «обличение невидимых». Отчество этого персонажа весьма значимо потому, что также адресует к Евангелию, зачало из которого читается на Торжество Православия: Филипп — тот самый ученик Христа, который на вопрос «из Назарета может ли быть что доброе?» отвечает: «Приди и виждь» (Ин., 5 зач., 1:43-51).

Настасья Филипповна засвидетельствовала свою веру в письме к Аглае, описывая выдуманную ею картину "Христос и дитя": задумавшийся Христос с покоящейся на голове ребенка рукой (8; 380). И далее дважды эта картина получит явную реализацию в тексте: сначала в завершение встречи соперниц: "Через десять минут князь сидел подле Настасьи Филипповны, не отрываясь смотрел на нее и гладил ее по головке и по лицу обеими руками, как малое дитя" (8; 476); затем Мышкин воспринимает ее как дитя: "Ведь это... дитя; теперь она дитя, совсем дитя!" (8; 484). Смысл исхода Рогожина и Мышкина в том, что без их опыта нет Воскресения. Текст романа, как и служб Страстной и Пасхи — об избавлении от страдания и смерти, о спасении и воскресении в жизнь вечную, в которую ведет определенный Христом Миротворный круг воспоминаний о Нем.

Князь Мышкин и явлен был показать это: от Знамения до Успения. Следует отчетливо понимать, что названия дней недели, определенных календарных дат в сознании читателя 70-х годов позапрошлого века, знавшего почти наизусть по крайней мере Псалтирь и Часослов, вызывали мгновенные ассоциации. Почти каждому гимназисту был хорошо известен Октоих, содержащий тексты недельного круга, где каждый день имеет свое посвящение: воскресенье, первый день седмицы, посвящен Воскресению Христову; понедельник — сотворенным раньше человека Бесплотным Силам; вторник — ветхозаветным пророкам и особенно Предтече и Крестителю Иоанну, замыкающему ветхозаветную историю; в среду вспоминается предательство Иуды и Крест Христов; в четверг — апостолы и святитель Николай, как особо послужившие в новозаветном благовестии; в пятницу вспоминается Крест и Распятие Спасителя; суббота (день, когда было закончено творение мира Богом) посвящается всем святым и всем в вере скончавшимся.

Своим строем Октоих помогает устроению нормальной ритмичной жизни по библейскому образцу, в то же время постоянно напоминая о том, что этим семидневным ритмом жизнь человека не исчерпывается: в звучании земных дней слышен глас иной жизни. В XIX веке существовал и «Учебный Октоих» [8], — выбранные из полного Октоиха воскресные тексты, которые человек слышит регулярно, если бывает в храме вечером накануне воскресного дня и в самый воскресный день. При освоении Октоиха тоже действует принцип «Повторение — мать учения»; есть в этом довольно большом, двухтомном текстовом массиве и свои основные тексты, на оценку «удовлетворительно» — это тексты о Воскресении Спасителя, ибо «если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша» (1 Кор. 15, 14.).

С воскресным днем связаны и так называемые Евангелия воскресные — выбранные из текстов четырех евангелистов одиннадцать зачал, повествующие о Воскресении Спасителя и о Его пребывании на земле после Воскресения. Эти зачала последовательно читаются на утрени под воскресенье, так что в течение года воскресный евангельский блок прочитывается несколько раз и содержание его оказывается наиболее знакомым человеку, присутствующему на службе в храме. Дома человек мог читать Новый Завет линейно, то есть последовательно — например, по главе в день. Однако есть и другой способ домашнего чтения Евангелия и Апостола — читать те зачала, которые в этот день читаются в Церкви за богослужением. Таким образом, даже и средний ученик, который в силу небольшого таланта, данного ему Господом, не может освоить глубин Православия, мог и должен был уяснить главное в Православии — Евангелие о Воскресении.

Нам это дается с великим трудом. Но поэтика «реалиста в высшем смысле» призывает потрудиться — над тайной воскресения и над собой.

Самсонова И.В.
ФГБОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет, ст. преподаватель кафедры культурологии и литературы.
i.samsonova(a)mail.ru.

Серопян А.С.
ФГБОУ ВПО «Шуйский государственный педагогический университет, ст. преподаватель кафедры культурологии и литературы.
serpantin58(q)mail.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанян К.А. Люди Страстной Субботы. Достоевский и Гольбейн / К.А. Степанян // НГ-Ex Libris 8 сентября 2011
2. Касаткина Т.А. Картина Ганса Гольбейна Младшего "Христос в могиле" в структуре романа Ф.М. Достоевского "Идиот" // Достоевский и XX век. . В 2 тт. / Под ред. Т.А. Касаткиной. М. : ИМЛИ РАН, 2007. — С. 152-164
3. Тихомиров Б.Н. Достоевский и "Мертвый Христос" Ганса Гольбейна Младшего/ Б.Н. Тихомиров // Sub specie tolerantiae. Памяти В.А. Туниманова / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом) ; отв. ред. А.Г. Гродецкая. — СПб. : Наука, 2008. — Содерж. на рус., англ. яз. — С. 207-217.
4. Новикова Е.Г. "На картине этой изображен Христос, только что снятый с креста": Н.М. Карамзин, Ф.М. Достоевский, С.Н. Булгаков о картине Ганса Гольбейна мл. "Христос во гробе" // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков : цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр : сб. науч. тр. / ГОУВПО "Петрозавод. гос. ун-т" ; отв. ред. В.Н. Захаров. — Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. ун-та, 2008. — Вып. 5. — (Проблемы исторической поэтики; Вып. 8). — С. 414-428
5. Захаров В.Н. Воскрес ли мертвый Христос? // Полное собрание Ф.М. Достоевского. Канонические тексты. Т. 8. Изд-во ПетрГУ, 2009. — С. 637
6. Серопян А.С. Время и Миротворный круг / А.С. Серопян. — Шуя -Иваново, 2011. — С. 30.
7. Ермилова Г.Г. Трагедия "русского Христа", или о "неожиданности окончания" "Идиота" / Г.Г. Ермилова // Роман Ф.М. Достоевского "Идиот": современное состояние изучения. Сборник работ отечественных и зарубежных ученых под редакцией Т.А. Касаткиной. Москва, 2011. — С. 279.
8. Октоих, сиречь Осмогласник, учебный, обдержай воскресную службу осми гласов. СПб., 1891.

Samsonova I.
Shuisky the state pedagogical university, the senior teacher of chair of cultural science and the literature.
i.camconovaC@mail.ru

Seropyan A.
Shuisky the state pedagogical university, the senior teacher of chair of cultural science and the literature.
serpantin58(5)mail.ru